

ихъ возрѣній и одинаково прийдя въ результатѣ къ анархическому идеалу, они по разному понимали условія его осуществленія. Необходимыми предварительными условіями Герценъ считалъ замѣну монархій республиками и установленіе режима политической свободы и наряду съ этимъ философскую пропаганду, направленную на разрушеніе всякихъ проявленій принципа принудительнаго авторитета въ государственномъ строѣ, въ семьѣ, въ экономической жизни. А Прудонъ ключъ къ разрѣшенію основной проблемы усматривалъ въ реорганизации экономическихъ и финансовыхъ отношеній, въ расширеніи договорнаго начала на всѣ области производства и потребления, въ созданіи «всемирнаго банка». Герценъ настаивалъ на важности чисто политическихъ предпосылокъ для достиженія социальнаго идеала. Прудонъ исходилъ отъ того положенія, что экономика господствуетъ надъ политикой. И г. Лабри показываетъ, какъ именно къ этому пункту восходили всѣ разногласія этихъ двухъ столь близкихъ другъ къ другу мыслителей.

Книги г. Лабри заслуживаютъ полнаго вниманія. Они содержательны, солидно документированы, и даютъ вдумчиво очерченную картину эволюціи мировоззрѣнія Герцена.

А. Кизеветтеръ.

П. М. Бицилли. Очерки теоріи исторической науки. Прага, 1925, стр. 338.

Книга П. М. Бицилли, подобно цѣлому ряду работъ русскихъ авторовъ, вышедшихъ за послѣдніе годы, посвящена философскому осмысленію исторической науки. Но ея рѣзкое отличіе отъ иныхъ попытокъ «осмысленія» то, что возможность такого осмысленія исторіи, какое дается какъ наз. «философіей исторіи», авторомъ совершенно отрицается. Больше того — въ этомъ отрицаніи, пожалуй, центральная тема книги.

Но, надо признаться, уловить основную тему автора (или нѣсколько основныхъ его темъ) не легко. Чтобы не останавливаться въ дальнейшемъ надъ «недостатками» книги (которыя для книги съ поистинѣ существенною темой — весьма второстепенная и несущественная сторона), укажемъ здѣсь на тотъ основной недостатокъ книги П. М. Бицилли, изъ котораго вытекаетъ и неувловимость ея основной темы. Бываютъ книги, написанныя для «учащихся», бываютъ — написанныя для читателей, для издателя, для автора самого (послѣднія — отнюдь не изъ худшихъ книгъ); въ сферы культуры — обычно — книги, написанныя для почитателей. Книга Бицилли написана неизвѣстно для кого! Много сказано такого, что совершенно ясно и понятно и автору, и всякому возможному читателю, и нужно только для «ученика», съ другой стороны — авторъ не страшится такихъ страницъ, которыя не только для учащагося, но и для всякаго мыслимаго читателя остаются только намеками и «символами» какихъ-то (?) темъ. Въ книгѣ есть — необычная для темы («теорія исторической науки», а не «историческаго процесса») и для наукообразной формы книги «вулканичность». Но авторомъ самимъ эта «вулканичность» какъ будто не замѣчена, въ по-

токъ лавы онъ поставилъ письменный столъ, и написалъ «книгу», съ примѣчаніями, «экскурсами» и цитатами.

Это — не упрекъ, а голько — попытка оправданія рецензента, которому (поскольку онъ не авторъ, а только читатель, а въ рядъ пунктовъ — «учащійся») придется говорить почти исключительно о «темахъ» книги и умолчать о томъ, что въ книгѣ много неяснаго въ формулировкѣ понятій и рядъ конкретныхъ историческихъ анализовъ, которые (поскольку рецензентъ можетъ судить въ принадлежащихъ сферѣ его вѣдѣнія областяхъ) не вполне безспорны.

Основныхъ темъ въ книгѣ, по нашему мнѣнію, — три. Это — впервые, тема невозможности «философіи исторіи», во-вторыхъ, тема «исторического чувства», и, наконецъ, тема «исторического синтеза». Всѣ онѣ, пожалуй, между собой внутренне связаны, но существо и характеръ связи не вполне прояснены и вскрыты.

Всѣ темы связаны съ тою темою, которая и является въ книгѣ основною, хотя, страннымъ образомъ, нигдѣ не разработана и не прояснена до конца. Авторъ возвращается къ ней снова и снова, не давая однако своего положительнаго отвѣта на всѣ здѣсь возникающія проблемы въ формѣ законченной «теоріи». Этою основною темой является тема своеобразія исторической данности. Это своеобразіе такъ велико, что всякое «оформленіе», обработка даннаго историка «матеріала», съ точки зрѣнія этому матеріалу посторонней, внѣ его данной или заданной, есть разрушеніе и разложеніе его специфической историчности. Изъ сознанія этой специфичности вытекаеть и протестъ Бицилли противъ «философіи исторіи», которая въ исторіи что-то «выискиваетъ» (и поскольку это есть что-то иное, чѣмъ «исторія», постольку оно уже не-исторично), и противъ теологическихъ интерпретацій исторического процесса (напр., у Карсавина), ибо и отыскиваніе въ исторіи ея божественной основы также есть, собственно, отказъ отъ изученія специфически-исторического. Отсюда же и парадоксально-отрицательное отношеніе автора къ слишкомъ ужъ многимъ и слишкомъ славнымъ представителямъ исторической науки. Примѣры этой «неумолимости» автора — буквально на каждой страницѣ. — Но, какъ мы уже сказали, положительной характеристики своеобразія исторической стихіи въ книгѣ не дано. Эта положительная характеристика только намѣчается такими опредѣленіями, какъ «индивидуальность», «ирраціональность», «единственность», «однократность», «неповторяемость», и т. д. Но авторъ, очевидно, самъ чувствуетъ, что такихъ опредѣленій далеко недостаточно, такъ какъ ни на одномъ изъ нихъ онъ окончательно не останавливается. — Намъ думается, что основная позиція автора здѣсь совершенно правильна. Характеристика исторического бытія, конечно, не можетъ быть объднена до какой-либо абстрактной формулы, — ибо любое изъ приведенныхъ выше опредѣленій приложимо отнюдь не только къ «историческому». — «Индивидуальное» представлено не только въ сферѣ исторіи, но и въ любой другой сферѣ «жизни»; слѣдовательно нужно, опредѣляя исто-

рическое бытіе, какъ «индивидуальное», опредѣлить и характеръ именно исторической индивидуальности; точно такъ же обстоитъ дѣло и со всѣми другими приведенными выше опредѣленіями — «иррационально» всякое бытіе въ отношеніи къ каждому «низшему» слою бытія; историческая же «иррациональность» — специфична; такъ же обстоитъ дѣло и съ дальнѣйшими опредѣленіями. Мы представляется, что спецификумъ историческаго бытія возможно найти только на пути анализа времени, — историческое время отлично ото всякаго иного времени, — напр., даннаго намъ въ физическихъ или біологическихъ процессахъ; отлично по своей структурѣ, — поэтому, только исходя изъ своеобразія историческаго времени возможно раскрыть своеобразие историческаго бытія.

Мы не можемъ здѣсь останавливаться на положительной характеристикѣ понятія историческаго времени. Но отмѣтимъ, что авторъ до проблематики историческаго времени дорабатывается въ связи съ разработкою имъ тѣхъ его «темъ», о которыхъ мы уже упоминали выше.

Первая изъ нихъ по сущности есть тема невозможности «философіи исторіи», затронутая авторомъ, правда, только во введеніи къ книгѣ *Возможность «философіи исторіи»* отрицается П. М. Бицилли потому, что философій исторіи, а не философій просто «философіи исторіи» можетъ быть только при условіи, что она разсматриваетъ подлинно временно-текущее историческое бытіе, а не тѣ «цѣнности надъисторическаго характера, которыя въ историческомъ процессѣ «реализуются» (стр. 15 - 24). Между тѣмъ все специфически историческое остается для философа исторіи «нѣкимъ неподдающимся рационализациі остаткомъ» (15). — При всей своей простотѣ, эта аргументація на нашъ взглядъ очень больно поражаетъ всякую рационализирующую философію исторіи; совершенно правильны и исходящія изъ той же самой точки зрѣнія замѣчанія автора, направленные противъ попытки Трельча «спасти» философію исторіи. Но вѣдь рационализирующій методъ, слава Богу, не единственный не только въ философій исторіи, но и въ философій вообще. Если цѣнности, реализуемая въ исторіи, разсматриваются не какъ просто надвременныя, а какъ временно-данныя и въ своей временной обусловленности обладающія значимостью, — и то это не обозначаетъ ни релятивированія цѣнностей, ни признанія историческаго процесса безсмысленнымъ. То, что сдѣлано Гегелемъ для обоснованія такой точки зрѣнія игнорируется въ книгѣ. Между тѣмъ борьба Гегеля съ самимъ собою за признаніе абсолютной цѣнности исторически-временнаго бытія (въ его теологическихъ юношескихъ наброскахъ и въ «философіи религіи») одна изъ замѣчательнѣйшихъ страницъ въ исторіи преодоленія анизотризма и антиисторизма и въ исторіи діалектическаго метода». Намъ кажется, что П. М. Бицилли нечего будетъ возразить діалектической «философіи исторіи», вносящей процессуальность и временную обусловленность въ самую сферу цѣнностей. Но не впервые вскрытая Гегелемъ (и романтиками) специфическая текучесть и временная рас-

тяженность всѣхъ вообще **реализируемыхъ** цѣнностей создаетъ возможность философски-историческихъ построений, — вѣдь уже въ христіанствѣ (и П. М. Бицилли совершенно правильно отмѣчаетъ, что «философія исторіи появляется у народовъ нашего культурнаго круга вмѣстѣ съ христіанствомъ», (13), заложена **возможность** осмысленія временно-преходящаго, какъ абсолютно-цѣннаго (грѣхопаденіе — искупленіе не просто случайное и безсмысленное нарушеніе порядка въ Богомъ созданномъ мірѣ)... А «эсхатологическое» освѣщеніе историческаго процесса, оно, конечно, относится къ христіанской **теологіи**, а не къ христіанской **философіи исторіи!** Христіанская философія исторіи отнюдь не видитъ всѣ проблемы только въ свѣтѣ «конца». —

Проблема исторической діалектики приводитъ насъ къ понятію «историческаго времени», какъ своеобразно цѣнно-наполненнаго и «зрѣющаго» (что не означаетъ обязательно историческаго оптимизма, — вѣдь «зрѣеть» и преступный замыселъ и «раковая опухоль»), «бременѣющаго»... Мы считаемъ, такимъ образомъ, замѣчанія автора уязвляющими только рационалистическую философію исторіи, и въ **этомъ** смыслѣ совершенно правильными и значительными (къ этой же тематикѣ относится и «экскурсъ» о книгѣ Карсавина, стр. 278-303).

Центральной и наиболее законченной частью книги являются главы о развитіи «историческаго чувства», т. е. признанія за историческимъ бытіемъ абсолютнаго, ни на какое иное бытіе несводимаго своеобразія и отказа ото всякихъ попытокъ «редуцировать» историческую стихію на какую либо иную форму бытія. Авторъ прекрасно показываетъ, что историческое чувство впервые въ чистомъ видѣ дано (и слѣдовательно «историзмъ» начинается) въ романтикѣ. Мы не будемъ останавливаться на этой части книги въ виду нашего полнаго съ нею согласія. Сдѣлаемъ только нѣсколько отдѣльныхъ замѣчаній. Авторъ слишкомъ подчеркиваетъ роль романтической изящной литературы и исторіографіи и какъ-то обходитъ роль романтической философіи (Фихте, заслуги котораго въ выработкѣ понятія «конкретности» освѣщены русскимъ авторомъ — Г. Д. Гурвичемъ, Шеллинга) и Гегеля (въ его ранній періодъ въ особенности, о чемъ мы уже упомянули выше). Между тѣмъ философская мысль той эпохи слишкомъ тѣсно связана съ общимъ ходомъ духовнаго развитія, чтобы можно было ихъ такъ разрывать, какъ они разорваны въ книгѣ П. М. Бицилли. — Краткая характеристика романтическаго міровоззрѣнія (110 - 119) вызываетъ еще на одно замѣчаніе. Для автора романтика, какъ будто, нѣкое достиженіе и завершеніе. Мы не согласились бы съ этимъ. Въ романтикѣ значительно больше устремленій, чѣмъ завершеній, и большинство «устремленій» не свободны отъ цѣлаго ряда «опасностей», которыя связаны, главнымъ образомъ, съ тѣмъ фактомъ, что у романтиковъ «устремленія» (въ томъ числѣ и ихъ собственныя романтическія устремленія) часто оцѣниваются, какъ завершенія. По отношенію къ «историзму» романтиковъ это значитъ — историзмъ, который вѣдь есть въ чистомъ видѣ **познавательное**, «теоретическое» устремленіе, выливается въ антиисторическія попытки что-то изъ минувша-

го «возродить»,—возстановить; историзмъ, въ которомъ основное отноше́ние по существу биполярно,—мое теперешнее «я» противостоитъ прошлому и прошлое противостоитъ моему «я» (ибо антиисторична всякая попытка слия́нія «я» и прошлаго въ единство)—историзмъ обращается въ собственную противоположность—«я» растворяется въ прошломъ (вообще въ «иномъ»). Отсюда и всѣ идеи «возстановленія» прошлаго у романтиковъ, отсюда и романтическія обращенія въ католицизмъ... Реализацію такого романтическаго антиисторизма можно было бы показать и на примѣрахъ романтической историографіи. — Въ общемъ и цѣломъ, повторяемъ, эта основная часть книги Бицилли съ нашей точки зрѣнія вполне убѣдительна.

Зато цѣлый рядъ замѣчаній вызываетъ заключительная часть книги, посвященная проблемѣ «историческаго синтеза». Проблема эта имѣетъ для автора значеніе потому, что, отрицая «оформленіе» исторической данности со всякой ей чуждой точки зрѣнія, авторъ неизбежно приходитъ къ вопросу о томъ, а какое же еще «оформленіе» возможно, иными словами — «какъ возможна исторія вообще?»*). Надо сказать, что эта часть книги осталась для меня наиболее неясной. И, кажется, только потому, что авторъ, какъ мы уже указывали, ошибся въ выборѣ стилиа для своей книги. Научнообразный стиль помѣшалъ автору «договориться» (до «Геркулесовыхъ столбовъ»)... И передъ нами — только рядъ бѣглыхъ замѣчаній о возможности наряду съ «генетическимъ» подходомъ къ историческимъ явленіямъ, подхода «эстетико-индивидуализирующаго» (247). Этотъ эстетико-индивидуализирующий подходъ есть подходъ «художественный» (216 и др.), историческая интерпретація есть интерпретація «символическая» (227 и далѣе), методъ ея есть методъ «интуитивный» (230 - 1). Все это нѣсколько еще неясно, но безусловно правильно. И, повторяемъ, недостатокъ этой части книги мы видимъ въ отсутствіи послѣдовательности. Ибо, во-первыхъ, — эстетико-индивидуализирующий подходъ представляется П. М. Бицилли подходомъ къ исторической «статикѣ». Но не есть ли самое слово «статика» въ примѣненіи къ историческому бытію весьма двусмысленное и опасное слово? «Современность» нѣсколькихъ явленій въ историческомъ бытіи (ср. стр. 236) отнюдь не есть ихъ «одновременность». И если къ статическому относится одновременное, то историческая статика есть «динамическая статика»! Къ сферѣ динамики авторъ относитъ по преимуществу явленія «эволюціи», какъ-то группирующіяся около социально-политическихъ фактовъ. Но не является ли признаніе этой (поверхностной) сферы за по преимуществу динамическую — страшнымъ обѣдненіемъ «динамики»? И не слѣдовало ли просто сказать, что преимущественнымъ, если даже не единственнымъ «подходомъ» къ историческому бытію является подходъ эстетико-индивидуализирующий? — Во-вторыхъ, «симво-

*) Постановка проблемы напоминаетъ постановку проблемы «формальной этики» въ современной философіи. См. мою статью въ «Сборникъ Русск. Народнаго Универ въ Прагѣ».

лическая» интерпретація историческихъ явленій предполагаетъ, что явленія разсматриваются **внѣ** ихъ взаимныхъ **причинныхъ** отношеній. Иными словами. — въ ихъ символическихъ отношеніяхъ Символическія отношенія соединяють въ себѣ временность и внѣвременность. Отсюда слѣдуетъ сдѣлать выводъ, что своеобразіе историческаго быванія — въ синтезѣ въ немъ временности и внѣвременности. Такой же объединяющій временность и внѣвременность характеръ **имѣетъ и «историческое время»**. А если такъ, если историческое бытіе надо признать совершающимся въ «историческомъ времени», то безъ огромной двусмысленности невозможно говорить о «генегическомъ» подходѣ къ историческимъ явленіямъ. — Въ-третьихъ, — проблема «оформленія» исторической данности еще далеко не разрѣшена указаніемъ на «художественный» характеръ историческаго синтеза. Остается еще спросить, какъ можетъ художественное оформленіе имѣть **научное** значеніе и значимость. — А затѣмъ, что собственно оформляется? вѣдь историческая данность въ корнѣ отлична ото всякой иной тѣмъ, что данное въ ней въ то же время не дано! Вѣдь обработка матеріала направлена не на «наличествующіе» «памятники», а на то, что этими памятниками «передается» И эта проблема, проблема «историческаго объекта», едва только намѣчена въ книгѣ.

Повторяемъ, мы не знаемъ, идутъ ли наши замѣчанія въ томъ направленіи, которое считаетъ для своей книги существеннымъ самъ авторъ ся. Всѣ они сосредоточены около пункта, названнаго мною выше «вулканическимъ» моментомъ въ книгѣ. Это утвержденіе **безграничнаго** своеобразія историческаго бытія. Изъ этого утвержденія вытекаегъ, конечно, **слишкомъ** многое, чтобы это многое можно было просто и завершено сказать. Въ этомъ источникъ неясности «стиля» книги и нѣкоторыхъ въ ней мыслей. Намъ представляется, что достиженіе послѣдней ясности въ отношеніи къ затронутой авторомъ темѣ возможно только при подходѣ къ проблемѣ историческаго бытія отъ понятія «историческаго времени», которое пока все еще остается въ философской литературѣ недостаточно проясненнымъ. Намъ кажется, что книга Бицилли кое въ чемъ способствуетъ проясненію этого понятія и поэтому мы позволили себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній, выходящихъ отчасти изъ рамокъ затронутой самой книгой темъ. Мы хотѣли такимъ образомъ обнаружить не только методологическую, но и философскую плодотворность книги. Затронувъ весь богатый матеріалъ, содержащійся въ книгѣ, мы не могли и вынуждены ограничиться этими замѣчаніями.

Дм. Чижевскій.

Николай Бердяевъ. Философія свободнаго духа. Проблематика и апологія христіанства УМСА-Press. Paris. Ч. I. Стр. 271, ч. II. Стр. 236. 1928.

Новая книга Н Бердяева отличается отъ послѣднихъ сочиненій его въ двухъ отношеніяхъ: она посвящена не частному вопросу, а систематическому изложенію общаго міровоззрѣнія автора, почему